

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
18–20 июня 2015

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА. КАК ИЗБЕЖАТЬ КАДРОВОГО
ДИСБАЛАНСА?**

Панельная сессия

20 июня 2015 — 10:00–11:15, Павильон 8, Конференц-зал 8.3

Санкт-Петербург, Россия

2015

Модератор:

Елизавета Осетинская, Шеф-редактор проектов, ОАО «РБК»

Выступающие:

Шломо Вебер, Научный руководитель, Лаборатория исследования социальных отношений и многообразия общества, Российская экономическая школа; профессор, Южно-Методистский университет

Златко Жигич, Директор бюро в Москве, Международная организация по миграции

Ярослав Кузьминов, Ректор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Максим Паршин, Заместитель руководителя, Федеральная служба по труду и занятости Российской Федерации

Филипп Пегорье, Региональный президент по России, Украине и Беларуси, Alstom

Константин Ромодановский, Руководитель, Федеральная миграционная служба Российской Федерации

Юкио Хатояма, Премьер-министр Японии (2009—2010 гг.)

Гуйжу Цай, Президент, Союз китайских предпринимателей в Российской Федерации; заместитель председателя, China Chengtong Holdings Group

Е. Осетинская:

Дорогие друзья, я думаю, мы начнем. Оставшиеся участники постепенно подойдут.

Позвольте мне в это солнечное утро поприветствовать оставшихся участников Петербургского международного экономического форума. Мы сегодня обсуждаем крайне интересную и, на мой взгляд, важную тему — тему человеческого капитала, привлечения человеческого капитала. Как избежать кадрового дисбаланса?

У нас сегодня очень представительная панель. Позвольте мне представить ее участников: Ярослав Кузьминов, ректор Высшей школы экономики; Юкио Хатояма, премьер-министр Японии в 2009—2010 годах; Шломо Вебер, научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества в Российской экономической школе; Филипп Пегорье, региональный президент по России, Украине и Беларуси, Alstom; Гуйжу Цай, президент Союза китайских предпринимателей в Российской Федерации; Златко Жигич, директор бюро в Москве Международной организации по миграции; заместитель руководителя Федеральной службы по труду и занятости Максим Паршин; и Константин Ромодановский, руководитель Федеральной миграционной службы Российской Федерации.

Дорогие участники! Времени для выступлений у нас не очень много, панель будет достаточно интенсивной. Я задам некоторый тон: как журналисту, мне придется выступить с небольшой провокацией. Вчера мы брали интервью у Ольги Юрьевны Голодец, и она сообщила нам новость — к сожалению, не очень приятную: в России впервые за достаточно долгое время наблюдается отток человеческого капитала — не только денежного, но и человеческого. К сожалению, структура этого оттока достаточно чувствительна, то есть мы теряем высококвалифицированные кадры, а привлекаем не самые высококвалифицированные. Поэтому вопрос о том,

как выиграть конкуренцию за мировые человеческие ресурсы, стоит сейчас для России так остро, как, может быть, ни для одной другой страны.

Я прошу всех участников подумать над рецептами для России и для своих стран: как вообще это делается? Первым делом я даю слово Константину Ромодановскому, руководителю Федеральной миграционной службы Российской Федерации.

К. Ромодановский:

Спасибо! Я, конечно, не спорю с вице-премьером, но я настроен не столь оптимистично. Наши расчеты показывают, что до 2013 года мы потеряли порядка четырех миллионов экономически активного населения. Если сопоставить эту цифру с тем, что мы ежегодно получаем в виде постоянно проживающих граждан, даже с учетом пенсионеров и детей, то окажется, что мы в целом компенсируем потери экономически активного населения в Российской Федерации за счет миграционного прироста. Когда я говорю о постоянно проживающих, я имею в виду наши ресурсы: они постоянно проживают и работают у нас. При получении вида на жительство, при получении гражданства мы всех привязываем к определенному месту работы, в отличие от стран Евросоюза. Я ни в коей мере не бросаю камень в существующие там механизмы по притягиванию родственников из Африки или откуда-то еще, но у нас все привязано к месту работы. Хорошо это или плохо, но это так. Это что касается вопросов, связанных с компенсацией потери экономически активного населения. Это первая часть.

Вторая часть: не забывайте, что у нас имеется «подушка» в виде временной трудовой миграции. Слава богу, у нас есть Концепция миграционной политики. Я как руководитель сначала скептически относился к этому документу, а сейчас очень четко понимаю, что это программный документ, который позволяет нам строить правильную работу: выстраивать, отвечать и целенаправленно двигаться. О чем говорит эта концепция? О

том, что мы должны (это, кстати, проходит красной нитью и в майских указах Президента) создать условия для тех, кто работает цивилизованно, чтобы эти люди работали еще лучше, и жестко пресекать незаконную миграцию. В этой же концепции говорится о необходимости разделения категорий временной трудовой миграции и миграции тех, кто прибывает к нам для оседания.

В этом плане мы уже начинаем действовать дифференцированно, и есть определенные шаги, которые, как я считаю, удалось сделать относительно эффективно. На данный момент существует порядка девяти вариантов осуществления трудовой деятельности в Российской Федерации, то есть мы расширили возможности для того, чтобы люди могли приезжать и законно осуществлять трудовую деятельность. И это не предел: нужно двигаться и дальше. Мы работаем в этом направлении.

Если мы говорим о том, что люди должны законно работать, мы с вами должны понимать, что необходимо пресекать незаконную миграцию. Таким образом мы стимулируем и защищаем иностранных граждан, законно работающих в России. Это движение в одном направлении. Тот факт, что мы нашли механизм, закрывающий въезд для злостных нарушителей, тоже падает в «чашу» законной трудовой миграции. Мы защищаем законных мигрантов, создаем для них возможности и условия.

Чтобы не говорить слишком долго, я отмечу: самым наглядным результатом нашей работы (это понимают представители и науки, и практики) является то, что показатель находящихся в Российской Федерации иностранных граждан с начала этого года находится в пределах десяти миллионов человек, не считая граждан Украины. Это можно представить в виде прямой без изгибов: эта линия проходит примерно на уровне десяти миллионов человек и не пересекает показатели начала года. Такое количество людей, находящихся здесь постоянно, — главное достижение не только Миграционной службы, но и нашей концепции

миграционной политики. Задачи, которые мы там прописали, реальны, конкретны и выполнимы.

Спасибо!

Е. Осетинская:

Спасибо большое! Я обязательно еще обращусь к Вам с вопросами: будет очень интересно, если Вы прокомментируете некоторые цифры. Однако у нас много докладчиков, поэтому сейчас я предоставлю слово господину премьер-министру Японии. Расскажите нам, пожалуйста, об опыте миграционной политики в Вашей стране.

Y. Hatoyama:

I would like to talk about the Japanese case. My conclusion is that if we accept an immigration policy, then education and vocational training are quite necessary. In my opinion, Japan has arrived at a point in its history at which the nation needs to seriously address the issue of immigration policy. In more scientific terms, I wish to propose the vision, although it may sound quite idealistic, of a world community in which all people are able to live where they desire. To first take such a step forward, in East Asia, I believe we should attempt to realize what I refer to as the East Asian Community. I basically view that to have a multi-ethnic, multi-cultural, tolerant society in the East Asian region, generally speaking, this means allowing all people overseas who wish to live in Japan to do so, while permitting all those who want to leave Japan and live overseas to realize that goal as well. In the most essential meaning of the word, all ethnic groups and races are totally equal in stature. In reality, however, such an ideal is more easily said than done. The lessons of history testify to the great difficulties of realizing effective immigration policies and multi-ethnic, tolerant societies. In this regard, I believe that the contributions made by Richard Nikolaus von Coudenhove-Kalergi, an Austrian diplomat whose mother was

Japanese, deserve far greater recognition in this respect. Coudenhove-Kalergi promoted the importance of fraternity from the first half of the 20th century. He likewise excelled as an advocate of pan-Europeanism, a movement that, supported by figures such as French Prime Minister and Foreign Minister Robert Schuman, eventually bore fruit in the creation of the European Union. In that way, we must strive to avoid having the aspirations of an East Asian community rooted in the values of fraternity seen as a pipe dream. Next, let us turn to the case of Japan. According to Japanese Government forecasts, the nation's population, currently 127.3 million persons, will decline to around 86.7 million in the year 2060. Under the most recent estimates of future population, the trend of the declining birth rate and the ageing population is expected to further escalate over the years from 2010 to 2060. If this holds true, in 2060, Japan's juvenile population, referring to persons aged 14 and younger, will have declined by half over those 50 years to 7.91 million. In contrast, the senior population, those aged 65 and over, will rise by 18% during the same period, reaching 34.64 million persons. In this regard, the total number of persons of working age, defined as those aged 15 to 64, is projected to dramatically decline to 44.18 million persons by 2060. That is roughly half of the 81.73 million working-age population tracked in 2010. The share of the overall population comprising persons of working age is likewise forecasted to fall from 63.8% in 2010 to 50.9% in 2060. Today, three members of the working age population statistically support the welfare of one senior citizen. In 50 years, Japan will become a society in which one current worker will be expected to support one senior citizen. Frankly speaking, in 2060, when the number of members of the working generation of Japanese will effectively equal the number of senior citizens, it will become extremely difficult to maintain Japan as a functional society. According to statements by the Japanese Government, Japan has no immigration policy, but Japan currently hosts well over two million foreign residents. Of that total, about 30% are official, permanent residents. In reality, therefore, a considerable number of immigrants reside in

Japan, despite such government claims of no national immigration policy. Economics experts agree that the most important factor in growing the Japanese economy is to expand the workforce. A certain US economist has stated that among various efforts to increase the number of workers, the approach of raising the total fertility rate causes the greatest difficulties. Rather, most experts believe that policies along the lines of accepting greater numbers of immigrants hold the greatest future promise. However, immigration solely as a temporary measure, a short-term solution, for economic problems based on a short-term vision could create serious problems for the future. There is a long list of historical precedents that support this view. The key to success, rather, is a long-term approach. Japan certainly must endeavour to achieve multi-cultural co-existence, maintaining a society based on harmony and co-prosperity between the Japanese people and immigrants. It is the government, obviously, that determines the immigration policy. At the same time, the young people are the ones who will be expected to live together with immigrants accepted through such policies. For Japan, any truly revolutionary immigration policy will decide the very future direction of the nation. If Japan becomes a more open immigrant state, it is likely to encounter some of the same types of issues experienced by Germany, France, and other nations in that category. Based on that likelihood, there are Japanese who oppose accepting more immigrants. To avoid such a scenario, Japan must devise a successful Japanese-style immigration policy in which foreign nationals receive solid educations and are cultivated as competing human resources. The nation should assist them in finding work by giving them a chance to obtain vocational training. If that can be done, any decline in public order due to immigration, which some Japanese worry about, will not occur. On the contrary, I believe that the multi-ethnic, multi-cultural tolerant society would breathe vital new life and energy into the nation of Japan. Thank you.

Е. Осетинская:

Большое спасибо! Теперь я попробую вернуть нас к российскому опыту, а потом мы еще раз обратимся к опыту международному.

У меня вопрос к Максиму Паршину. Я посмотрела статистику: за последние четыре месяца в Российской Федерации было выдано более чем в четыре раза меньше разрешений на работу, чем за аналогичный период прошлого года. Это свидетельство какой-то специальной продуманной политики в отношении трудовых ресурсов, или это сложилось естественно? Какова цель такой политики?

М. Паршин:

Это вопрос скорее к Константину Олеговичу Ромодановскому, чем ко мне.

Е. Осетинская:

Его я тоже об этом спрошу.

М. Паршин:

Это просто следствие изменения законодательства: с нового года большая часть тех, кто раньше получал разрешение на работу, получают патенты.

Но о чем бы я хотел сказать? Действительно, по данным миграционной службы, из десяти миллионов иностранных граждан, которые прибывают на территорию России, пять миллионов приезжают с целью трудоустройства. Однако есть и другие цифры: по данным Росстата, среди граждан Российской Федерации тех, кто работает вне места своего постоянного пребывания, более чем в два раза меньше, чем прибывающих к нам иностранных граждан. Таковы показатели внутренней трудовой миграции. Получается, что наши граждане не перемещаются по стране. Это очень серьезный вопрос.

Приведу еще пару числовых показателей, которые характеризуют ситуацию на рынке труда в России. Если сравнивать с другими странами, то ситуация с безработицей у нас вполне благоприятная. Если оценивать по методологии МОТ, показатели регистрируемой безработицы небольшие: они не превышают 5,5%. Однако наш рынок труда характеризуется огромными внутренними дисбалансами. По показателю напряженности на рынке труда (это отношение количества безработных к числу вакансий в том или ином регионе) различные регионы у нас могут различаться в 500 раз. Например, на Дальнем Востоке есть регионы, где на одного безработного приходится 15 вакансий, а есть такие — прежде всего это Северный Кавказ, — где на одну вакансию приходится 30 безработных, зарегистрированных официально.

Мне кажется, что наряду с внешней миграционной политикой на первое место должен выходить вопрос о внутренней трудовой миграции. Существует достаточное количество объективных и субъективных факторов, тормозящих внутреннюю трудовую миграцию. Наши граждане не готовы переезжать на новое место работы — и не только морально. Есть факторы, связанные с так называемой «ловушкой бедности»: может быть, люди были бы готовы переехать и трудоустроиться, но у них нет для того средств, они не могут даже купить билет. Это накладывается на субъективные, психологические факторы: у нас в культуре нет готовности к перемене мест с целью трудоустройства. Правительство обратило пристальное внимание на эту проблему: принимаются меры, связанные как с организационными, так и с финансовыми механизмами стимулирования трудовой миграции. Правительство будет частично софинансировать затраты работодателей на привлечение трудовых ресурсов из других регионов. Утвержден перечень из 15 субъектов Российской Федерации, 15 регионов приоритетного привлечения такого рода ресурсов. Это первое

направление работы, и сейчас, уже в этом году, оно будет реализовано в пилотном режиме.

Вторым направлением работы непосредственно занимается моя служба: это создание информационных ресурсов, которые будут стимулировать трудовую мобильность. Граждане часто не едут просто потому, что не знают, какие вакансии, свободные рабочие места существуют в других регионах. Кроме того, они не знают, что смогут найти в других регионах помимо работы: смогут ли они найти детский сад для ребенка, провести досуг, найдут ли они жилье. Для нивелирования таких информационных пробелов мы создали новую версию портала «Работа в России», где, наряду с общероссийской базой вакансий, будут публиковаться дополнительные сведения. Мы надеемся, что этот ресурс станет реальным инструментом управления внутренней трудовой мобильностью.

Е. Осетинская:

Спасибо! А теперь я хотела бы обратиться к ректору Высшей школы экономики Ярославу Кузьминову. Вы наверняка знакомы со статистикой: я видела, что у Вас есть материалы. Не могли бы Вы рассказать нам, какие еще дисбалансы в области миграции существуют в России?

Я. Кузьминов:

Для начала скажу, что озвученное вчера Ольгой Голодец, конечно, имеет место. Однако это не новость...

Е. Осетинская:

Это просто печальный факт.

Я. Кузьминов:

Это не новость, это продолжающийся процесс. Десять лет назад было то же самое. Может быть, сейчас, с обострением демографической ситуации, это вышло на первый план. Однако в мировом миграционном потоке наша страна всегда отдавала наиболее квалифицированные кадры и принимала в качестве мигрантов значительно менее квалифицированные. Эта неприятная особенность характерна для стран с высоким уровнем образования и более низким, чем в группе развитых стран, уровнем доходов на душу населения и качества жизни.

Господин премьер-министр совершенно верно сказал, что проблема трудовой миграции будет одной из ключевых в первой половине 21 века. С чем она связана?

Во-первых, в развитых странах — Россия в данном случае относится к развитым странам — демографическая ситуация приводит к накоплению дефицита рабочей силы. За десять лет, которые нам предстоит, численность трудоспособного населения в России сократится на десять миллионов человек, в Германии — на четыре миллиона человек. Это характерно для любой страны с относительно высоким доходом и высоким уровнем образования.

К этому добавляется еще один фактор, который действует в тех же самых странах: более 80% выпускников школ стремятся к получению высшего образования. Это фактор прогрессивный, приятный с точки зрения культуры общества, но у него есть обратная сторона: эти люди потом ни за что не займут рабочие места, связанные с непрестижным физическим трудом и с таким трудом, где все действия регламентированы.

Соответственно, нарастают дефициты двух видов. Первый вид — это дефицит высококвалифицированных людей, которые создают значительную часть инноваций и обеспечивают экономическое, интеллектуальное и культурное лидерство страны. Такой дефицит есть у

любой страны, и чем страна богаче, тем легче она его покрывает. Соединенные Штаты Америки готовят в своей системе образования меньше половины специалистов примерно по половине своих интеллектуальных профессий: например, по математике и информатике. Остальных они просто ввозят.

Второй вид дефицита — это дефицит людей, которые могут работать руками и при этом имеют высокую квалификацию для такой работы. Это самый острый дефицит, с ним с трудом справляются все страны с высоким и средним уровнем доходов, и пока еще ни одна страна не выработала адекватного ответа на этот дефицит. Есть ответы через национальную систему образования. Вы знаете, что техникумы закрылись повсеместно. Наша страна — последняя, которая имеет техникумы. Теперь соответствующие специалисты готовятся в вузах, которые называются университетами прикладных наук (попытка социально приподнять эти профессии). Это хорошее решение: скажем, в Германии оно работает очень неплохо. Другая часть стран пытается ввозить специалистов из-за границы: так поступает, например, Саудовская Аравия.

Третий вид дефицита — это, конечно, дефицит мало- и среднеквалифицированных работников, которые занимают рабочие места, на которые граждане относительно развитых стран категорически отказываются идти. Я приведу вам интересный результат опроса. Примерно год назад мы проводили массовый опрос населения — родителей. Им задали такой вопрос: предположим, вы будете достаточно твердо знать, что, если ваш ребенок пойдет в техникум, его заработная плата будет в два раза выше, чем после вуза, куда вы его отдадите? Как вы думаете, какой был ответ? Из числа опрошенных 77% заявили, что отдадут своего ребенка в вуз. Люди боятся социальной среды, существующей в техникуме.

Такова ситуация, с которой мы сталкиваемся. Разумеется, Российская Федерация имеет значительные особенности в этом отношении: приток людей в третий сектор, на малоквалифицированную работу у нас огромен, но есть серьезные проблемы с заполнением второго сектора, а по первому сектору баланс отрицательный, то есть мы больше отдаем, чем принимаем. На вопрос о том, что нам делать в этом отношении, я бы предоставил ответить другим участникам.

Е. Осетинская:

Спасибо. Я попросила бы участников за несколько минут подготовиться и потом ответить на вопрос: что страна (любая, не обязательно Россия) должна сделать, чтобы стать конкурентоспособной и привлекательной для качественной, квалифицированной рабочей силы?

А пока я хотела бы обратиться к бизнесу и задать вопрос господину Пегорье: какой миграционной политики вы ждете от государства? Вы представляете компанию иностранного инвестора в России; безусловно, Вам нужна осознанная, осмысленная миграционная политика. Не могли бы Вы сформулировать Ваш запрос по отношению к государству?

Ф. Пегорье:

С удовольствием. Я хочу сказать, что я представляю не только Alstom, но и Ассоциацию европейского бизнеса — шестьсот с лишним европейских компаний.

Е. Осетинская:

Тогда этот вопрос тем более адресован Вам.

Ф. Пегорье:

Да, тем более. Я хочу вернуться к первому вопросу и ответить на него. Я думаю, что Голодец права, она умная женщина и знает, о чем говорит. Однако я не думаю, что проблема в миграционной политике. Есть одна причина: кризис. Это кризис — вот и все: у компаний меньше заказов, очень сильно повлиял и спад курса рубля. Прошу прощения за юмор, но я сказал бы, что импортозамещение касается в том числе и кадров: сейчас гораздо легче найти российские кадры. Они умны и квалифицированы, и, конечно, дешевле, чем экспаты. Естественно, компании отправляют экспатов домой и приглашают на работу или продвигают российские кадры. Вот и все.

Мне задали вопрос о том, каковы наши пожелания относительно миграционной политики. Я скажу одним словом: гибкость. Дайте нам возможность принимать, приглашать людей и отправлять их домой. Вот что надо бизнесу: американскому, европейскому бизнесу. Нам нужна гибкость политики, чтобы мы могли конкурировать на рынках и адаптироваться. Вот что нам надо. Я думаю, что ФМС действительно проводит работу в этом направлении. Вот что нам надо, и ничего больше.

Е. Осетинская:

Возможно, гибкость — не самая характерная черта российского государственного аппарата. Возможно, представители власти со мной не согласятся...

Ф. Пегорье:

На мой взгляд, мы хорошо работаем с ФМС. Часть новых методов на нас испытывают. В любом случае, мы сотрудничаем, у нас налажен очень интересный диалог. Понятно, что у государства есть своя политика. Однако я считаю, что ФМС нас очень внимательно слушает и улучшает свою

работу, улучшает условия. Мы делаем это вместе. Я испытываю очень большое уважение к работе этой службы.

Е. Осетинская:

Спасибо! Я хотела бы продолжить беседу с господином Жигичем. Есть ли в вопросах, которые мы обсуждаем, какие-то международные рецепты, которые, возможно, еще не опробованы в России?

З. Жигич:

Я думаю, что миграция как таковая в России и российская миграционная система в значительной степени уникальны. Я даже думаю, что, наоборот, сегодня мы могли бы отчасти пользоваться российским опытом и российской системой как моделью. Конечно, чужой опыт мог бы быть релевантен и для России, но и Россия могла бы поделиться опытом с другими странами — возможно, даже со странами Евросоюза.

На сегодняшний день Россия является второй в мире страной по объему миграции после США, если учитывать абсолютное количество мигрантов. Мы здесь говорим про десять миллионов мигрантов. Это колоссальный вызов.

Россия сегодня — первая страна в мире по числу беженцев. Как раз вчера появилась статистика: Россия — чемпион. Это влечет за собой колоссальные проблемы. Только на беженцев из Украины Россия тратит порядка восьми миллиардов рублей в год: это огромные деньги. Причем услуги, которые оказываются этим беженцам, превосходны. Все это тоже финансируется из госбюджета. Перед правительством и концепцией миграционной политики встают большие задачи.

Как сказал господин Кузьминов, очень остро стоит вопрос демографии. Однако благодаря миграционной политике этот вопрос компенсируется, причем достаточно эффективно: с точки зрения международного

наблюдателя, система работает очень хорошо. Эта временная миграция дает определенную «подушку» и определенное пространство для маневра. На сегодняшний день благодаря этой системе и миграционной политике в России существуют все условия для цивилизованной миграции и для пресечения нелегальной миграции. С учетом существующих проблем это заслуживает всяческой похвалы.

Вот почему я считаю, в этом отношении Россия могла бы быть моделью для других стран. В работе нашей международной организации мы учитываем этот опыт и всегда подчеркиваем, что стремимся привлекать другие страны, других экспертов и учиться на примере системы, которая здесь построена...

Е. Осетинская:

Не могли бы Вы назвать две-три вещи, которые Вы считаете ролевой моделью? Что именно в России сделано так хорошо, чему именно стоит учиться?

З. Жигич:

Сама концепция миграционной политики, которую озвучил господин Ромодановский, очень smart: эта система очень эффективно регулирует, с одной стороны, потоки мигрантов, с другой — требования на рынке труда. Конечно, сложности всегда будут, особенно учитывая масштабы миграции.

Е. Осетинская:

То есть мы умеем находить баланс между потребностями бизнеса и потоками мигрантов? Умеем эффективно отвечать на этот вызов?

З. Жигич:

Именно так. Это модель, разработанная командой господина Ромодановского и господина Кузьмина. Мы тоже внесли свой вклад в реализацию этой миграционной политики. Она действительно очень хорошо работает, она реализуется совсем неплохо, учитывая все обстоятельства и все вызовы.

Е. Осетинская:

Спасибо! Я хотела бы обратиться к господину Веберу. Судя по Вашей должности, Ваша специальность состоит как раз в том, чтобы изучать многообразие человеческого капитала. Может быть, управление этим многообразием и является ключом к разрешению дисбалансов, которые сложились в Российской Федерации, несмотря на мудрую миграционную политику, которую проводит государство?

Ш. Вебер:

Большое спасибо. Действительно, я сейчас услышал много интересного. Когда я готовил свое выступление, я хотел сосредоточиться на культурных аспектах миграции. Однако утверждение госпожи Голодец было направлено немного в другую сторону, так что я все-таки хочу коснуться этого момента. Большую часть своей жизни я прожил в Соединенных Штатах и в Канаде, и я хотел бы в одном, двух, трех предложениях описать иммиграционную политику этих стран и сказать о том, какие уроки можно извлечь из североамериканского опыта в российском контексте.

Прежде всего, Канада и Америка совсем иначе относятся к иммиграционной политике. Начнем с Канады. Почему это важно для России? Иммиграционная политика Канады построена на профессиональных принципах. Право на миграцию получают те, кто подходит канадскому рынку с профессиональной точки зрения: те, кого можно использовать. Эта

профессиональная стыковка человека и рынка является самым важным моментом. Есть, конечно, и другие моменты, но на самом деле эта профессиональная часть является самой существенной. В других странах такого меньше.

Как упомянул господин Кузьминов, Соединенные Штаты действуют немного иначе, и большинство интеллектуальных ресурсов приходит в страну извне. Однако они приходят на уровне университета — аспирантуры, магистратуры. Потом эти студенты остаются в стране и становятся работниками, участниками рынка труда.

Что это означает для России? Я думаю, что Россия вполне может и должна заниматься канадским вариантом: надо каким-то образом привлекать людей, по крайней мере с территорий бывшего Советского Союза, а может быть, и других стран. Например, у нас в Российской экономической школе появляются студенты из бывшей Югославии — из Словении, Хорватии. Я думаю, что привлечение студентов на довольно-таки раннем уровне их образования и развития, вовлечение их в российскую систему является очень важным моментом. Высшая школа экономики уже делает соответствующие шаги. Можно сделать и более серьезные шаги — привлекать людей.

Вы упомянули о многообразии и разнообразии. В этих двух странах к иммигрантам тоже относятся иначе. Скажем, Соединенные Штаты — это такой «плавильный котел»: они всех бросают в какой-то котел, что-то там варится, перемешивается, а потом выходят единые американцы. Вроде бы идеально. В Канаде этого не происходит. Там есть понятие мозаики — когда каждая этническая группа может жить своей жизнью: играть в футбол, ходить в церковь, в синагогу или в мечеть, но при этом оставаться частью канадского общества. Я думаю, что плавильный котел — это понятие отмирающее, и для стран, где много мигрантов, более актуально понятие мозаики.

Я, кстати, очень рад, что наши собственные исследования совпадают с цифрами, полученными ФМС. У нас нет таких ресурсов, но цифры наши похожи. Правда, у нас вышло немного больше — 11 миллионов мигрантов. Но я думаю, что эта разница возникла из-за Украины.

Так что это, действительно, огромная группа населения, и по отношению к ней надо проводить сознательную политику. Надо с уважением относиться к национальным, религиозным традициям: это очень важно. Вообще я думаю, что в России недостаточно занимаются мигрантами. Существуют какие-то ведомства, и права мигрантов каким-то образом защищаются, но это надо делать на более развитом этапе, для того чтобы в будущем, когда миграция возрастет, а она возрастет вне всякого сомнения, можно было заниматься этим на совсем другом уровне.

Е. Осетинская:

Спасибо.

Китай — ближайший, сильнейший сосед России, и я хотела бы спросить госпожу Цай: как китайские предприниматели смотрят на нашу страну? Является ли она привлекательной с точки зрения миграции, и какие плюсы и минусы существуют в России для миграции из Китая?

Гуйжу Цай:

Спасибо за приглашение выступить.

Китайцы очень интересуются возможностями работать в России, инвестировать в нее. Однако тех, кто работает в России постоянно, немного. В основном это те, кто учится или приехал на работу. Китайцы, которые работают в России, в основном идут вслед за китайским промышленным капиталом. Тех, кто просто приезжает в поисках работы, очень мало.

Вы знаете, что Китай — многонаселенная страна. Однако после атипичной пневмонии китайцы стали опасаться ездить за границу. Я имею в виду, что у китайцев появилась боязнь, и у нас, у китайских предпринимателей, работающих в России, возникла нехватка людей, готовых приехать к нам из Китая, чтобы работать здесь на китайских предприятиях. Причем эта тенденция усиливается. Несколько дней назад я разговаривала с китайцами, которые окончили Лингвистический университет имени Мориса Тореза. Я спросила, за какую зарплату они готовы остаться в России. Они не готовы остаться даже за 100 тысяч рублей. Я нашла пару своих соотечественников для работы на китайских предприятиях за зарплату в 400 тысяч рублей. Вот с какими интересными новыми тенденциями мы сталкиваемся.

Какой выход возможен из сложившейся ситуации? Нужно готовить больше россиян со знанием китайского языка. Это позволит частично решить проблему.

Мы знаем, что ФМС работает весьма эффективно, вопросы миграции решаются достаточно хорошо, профессионально. Но есть и некоторые пожелания. Можно было бы облегчить китайским предприятиям доступ к информации о том, какие здесь порядки, как оформляться, как приглашать работников в Россию. Это действительно немного упростило бы решение проблемы по нахождению трудовых ресурсов.

В Китае 300 миллионов пенсионеров. Вы знаете, что с 1980-х годов у нас действует политика одного ребенка. Какая же складывается ситуация? Рождается один ребенок; потом люди, которые были единственным ребенком, тоже рожают одного ребенка, и получается, что супруги кормят четырех стариков. Вот еще одна причина, объясняющая, почему эти люди не хотят выезжать за границу. В бизнес-центре «Гринвуд» в Москве у нас работает десять тысяч человек, но мы вынуждены привлекать русских, киргизов, узбеков. Только 70 из них китайцы.

Мы стараемся действовать в унисон с ФМС и благодарим эту службу за поддержку. Однако есть потребность привлекать больше китайского капитала и обеспечивающих этот капитал людей.

Е. Осетинская:

Спасибо. Константин Олегович хотел ответить.

К. Ромодановский:

Буквально две реплики. Пользуясь случаем, я хотел бы озвучить позицию не только мою, но и всей ФМС: никакой китайской экспансии в Российскую Федерацию не существует.

Е. Осетинская:

Сейчас это прозвучало очень убедительно.

К. Ромодановский:

Надеюсь, что в «Гринвуде» киргизам и узбекам платят не 100 тысяч рублей?

Среди стран с визовым режимом въезда у нас есть два государства-лидера: это Китай и Германия. На протяжении пяти—десяти лет между ними идет соревнование: побеждает то Германия, то Китай. Сейчас лидирует Китай. Как вы понимаете, немцев мы не замечаем, а граждан Китая мы легко определяем визуально, поэтому и складывается превратная картина. Да, есть единицы, которые проживают в России без документов, но это единицы. Может быть, таких сотни или тысячи, но не более. Это не системно, никакой угрозы нет. Это первое.

И второе: я не соглашусь с госпожой Цай в том, что русские должны учить китайский язык. Пусть лучше граждане Китая учат русский. Это наш подход, и мы с этой позиции не свернем.

Е. Осетинская:

Спасибо. Господин Кузьминов хотел что-то добавить.

Я. Кузьминов:

Я надеюсь, что русские тоже будут учить китайский, когда будут работать в Китае. Целый ряд наших студентов работает в Китае, и они выучили китайский язык.

Мне кажется, что один вопрос остался без ответа. Златко сказал о преимуществах российской системы регулирования миграции. Действительно, на мой взгляд, преимущество есть, причем достаточно простое.

Очень многие страны не умеют регулировать миграцию низкой и средней квалификации: люди приезжают сразу с семьями, не трудоустраиваются и «висят» на экономике этой страны как получатели социальной помощи. Потом, через поколение, их дети входят в экономику этой страны. Так происходит в основном в странах Европейского союза. Это крайне неудачный тип миграции.

В этом отношении Россия не единственная, в качестве второго примера мы можем привести богатые арабские страны. Россия построила очень гибкую и вместе с тем однозначно хорошо работающую систему, которая не допускает длительного пребывания людей, не владеющих русским языком, длительного пребывания людей, которые не имеют выгодной для нас высокой квалификации. Эти люди должны постоянно подтверждать свою нужность либо через покупку патента, либо через пребывание у какого-то работодателя. И, естественно, наша миграционная система не впускает семьи таких людей. Это дает российской экономике довольно серьезные преимущества в виде экономии затрат на рабочую силу.

Однако здесь есть и обратная сторона. К сожалению, мы не выработали систему, позволяющую стимулировать этих людей к получению

квалификации. Необходимо, чтобы, повысив свою квалификацию, они могли дольше задерживаться в России. Если человек овладел технической профессией, стал хорошим работником, он должен получать вид на жительство, право ввозить семью и так далее. Поощрять следует не только высококвалифицированных работников, получающих более 100 тысяч в месяц, но и среднеквалифицированных, и просто квалифицированных.

Ю. Хатояма:

Я хотел бы сказать, чтобы русские учили и японский, и китайский, и английский языки. Это было бы замечательно. Я думаю, что и нам, и мне лично русский язык необходим. Очень много японских предприятий расширяют свою деятельность в России, и мы надеемся, что эта тенденция продолжится. К сожалению, сейчас мы тоже столкнулись с миграционной политикой. Я считаю, что, несмотря на экономические санкции, господин премьер-министр Абэ продолжит свою политику налаживания сотрудничества в отношении России. Между нами, конечно, большое расстояние, но я надеюсь, что это не мешает нашему сотрудничеству.

Как я уже говорил, многие родители хотят отправить своего ребенка в университет, и очень многие дети оканчивают университет по желанию родителей, однако получают специальность, которая не нужна на рынке. В Японии дети заканчивают школы, а затем идут в так называемые ПТУ и учатся там пять лет. У нас есть широкая сеть ПТУ, где студентов обучают по самым приоритетным направлениям, таким как IT, и это очень популярно. Показатели трудоустройства студентов после окончания университетов у нас улучшаются, но были периоды, когда процент таких выпускников был невелик. Однако выпускники ПТУ трудоустраиваются на 100%, поскольку такие кадры нужны предприятиям. Получается, что ПТУ выращивают именно те ресурсы, которые необходимы компаниям.

Мне кажется, что японскую систему следует внедрить и в России, и в азиатских странах, в странах развивающихся. Я надеюсь, что в этих странах будет внедрена японская система ПТУ, профессионального обучения, и это приведет к улучшению ситуации с занятостью.

Е. Осетинская:

Спасибо большое, господин Хатояма!

Я. Кузьминов:

Хочу отметить, что прозвучал неправильный перевод: то, что переводилось как ПТУ, является техническим училищем со статусом высшего образовательного учреждения.

Е. Осетинская:

Значит, это все же высшее техническое образование?

Я. Кузьминов:

Конечно, пять лет после 12-летней школы — как Вы считаете, какое это образование?

Е. Осетинская:

Итак, коллеги, на основе услышанного я могу сделать следующее очень простое обобщение. На том конце стола прозвучала очень простая и ясная мысль: высококвалифицированным кадрам в России нужны высокие зарплаты. Сейчас Россия не может обеспечить те зарплаты, которые были, допустим, пять или восемь лет назад, в 2007 году. Таким образом, очевидно: чтобы преодолеть тренд, о котором говорила вчера Ольга Юрьевна Голодец, необходимо проводить какую-то очень smart миграционную политику, чтобы выиграть международную конкуренцию за

квалифицированные кадры, которые, бесспорно, нужны России, как и любой другой стране.

Пожалуйста, если можно, кратко, по минуте на каждого: что необходимо сделать России, чтобы выиграть эту конкуренцию в таких непростых условиях?

З. Жигич:

Видимо, сначала надо разобраться с кризисом. Я думаю, кризис действительно грозит всем. Это уже политика, к сожалению. Хотя дипломатия подошла бы здесь лучше, политика как таковая действительно мешает.

Е. Осетинская:

Вряд ли кто-то в этом зале будет с этим спорить.

З. Жигич:

Поэтому, как я уже сказал, я думаю, что в России есть все предпосылки для конкуренции на мировых рынках и для привлечения высококвалифицированной рабочей силы. Однако, опять же, политика мешает и будет мешать. Я думаю, что сначала надо разобраться с политикой.

Е. Осетинская:

Спасибо, но это не так просто. Господин Кузьминов?

Я. Кузьминов:

Первое: нам надо решить вопрос о предоставлении иностранцам — выпускникам наших вузов и техникумов вида на жительство, разрешения на

временное проживание и об упрощенном порядке получения ими гражданства после трех или пяти лет работы.

Второе: нам нужно увеличить срок действия патента для людей средней квалификации до двух лет. Для особо востребованных профессий (самые дефицитные из них — социальные работники и медсестры) нам надо создать специальные профессиональные программы и программы трудовой миграции — безразлично, внутренней или внешней, но с поддержкой в получении жилья, с финансированием переезда и так далее. Ряд стран, например Канада, имеют очень хорошую практику в этом отношении и могут поделиться своими достижениями.

Е. Осетинская:

Спасибо. Константин Олегович?

К. Ромодановский:

Во-первых, я хочу поблагодарить Ярослава Ивановича, потому что он — один из основоположников нашей концепции, и, когда имеешь в упряжке таких товарищей, двигаться проще.

У нас есть концепция, и нужно продолжать двигаться в этом направлении. То, что говорил Ярослав Иванович, в целом в ней отражено. У нас есть путеводная звезда, и мы должны двигаться и решать step by step: где-то медленнее, где-то быстрее. Но в принципе теперь все понятно.

Я был на Форуме три или четыре года назад, и мне понравилась прозвучавшая в одном из докладов мысль: свет в конце туннеля может оказаться светом фар встречного поезда. Вот сейчас мы свет в туннеле видим, туннель длинный, и это не встречный поезд. Мы точно знаем, куда следует двигаться. Да, есть проблемы; да, есть сложности. Тем не менее это конкретное наступательное движение в сторону интересов Российской Федерации.

Е. Осетинская:

А не играет ли все-таки некоторую роль кризис? Ту, о которой здесь было сказано? Не встречный ли это поезд?

К. Ромодановский:

Нет. Я не приводил цифры, хотя оперировал ими. Вчера я дебатировал с представителем Санкт-Петербурга. У них отмечено падение показателей въезда на 20%. Но в целом по России этот показатель составляет 3%, то есть мы находимся на прежнем уровне. Бояться, что к нам не поедут, не надо. Я говорю про внешнюю миграцию. Про миграцию на постоянное проживание я уже говорил. Мы вышли на уровень порядка 300 тысяч человек в год, и он позволит нам закрыть брешь. Я говорил совершенно официально: порядка 300 тысяч мигрантов ежегодно являются постоянно проживающими. Мы решили демографическую проблему, связанную с экономически активным населением.

Как я говорил, в плане внешней трудовой миграции в начале года наблюдался спад на 70%: люди просто экономили на билетах. Прошли новогодние праздники, и они поплыли. Сейчас этот показатель составляет 3%: где-то больше, где-то меньше. Могу сказать, за счет чего мы добились такого показателя: это десять миллионов человек, постоянно находящихся в Российской Федерации, исключая форс-мажор — беженцев с Украины. Въезжать меньше не стали, зато больше стали своевременно выезжать. Да, мы их напугали: мы заставили их уважать наши законы, наши правила. Они выезжают, они двигаются. Миграция — это движение, и мы подтверждаем смысл этого слова.

Е. Осетинская:

Спасибо. Господин Пегорье?

Ф. Пегорье:

Я, конечно, больше говорю о высококвалифицированных людях. Однако рабочая сила — это все-таки рынок. Мы работаем: Константин Олегович не предоставляет зарплату, Это делаем мы. Он если и предоставляет кому зарплату, так это сотрудникам своей службы.

К. Ромодановский:

Вы зарплату представляете, а мы страдаем!

Ф. Пегорье:

Наша компания еще только адаптируется к этому рынку. Мы пытаемся понять, что нам выгодно. Когда кадры есть — хорошие российские кадры, мы их приглашаем на работу. Когда таких кадров нет, мы приглашаем иностранные кадры. Я думаю, это совершенно нормально. Так везде бывает. Конечно, ФМС ставит определенные рамки, и это понятно. Однако потом мы, компании, действуем в этих рамках. Хочу подчеркнуть: это совершенно нормально.

Е. Осетинская:

Спасибо. Господин премьер-министр?

Ю. Хатояма:

Посмотрим на это немного под другим углом. Сейчас экономический кризис, и, конечно, это беспокоит нас больше всего. Но что мы можем сделать в этой ситуации? Надо подумать. Япония, Китай, Корея беспокоятся о Восточной Сибири и о Дальнем Востоке: о том, как Россия будет их развивать. Что касается Дальнего Востока России, то я думаю, что мы должны сотрудничать: Россия во главе и вместе с ней — Китай, Корея и Япония. Мне кажется, что для разработки природных ресурсов нужно много человеческих ресурсов, нужно создать систему их подготовки. Из Москвы и

Санкт-Петербурга должны поставляться специалисты. Азиатские страны тоже готовы поучаствовать в подготовке кадров для разработки ресурсов Дальнего Востока. Мне кажется, что это перспективно.

Е. Осетинская:

Спасибо. Пожалуйста, господин Паршин!

М. Паршин:

Мне кажется, что российский рынок труда все-таки достаточно привлекателен для иностранных работников. Те цифры, которыми мы сейчас оперируем, это подтверждают.

Я бы хотел повторить, что, с моей точки зрения, основные ресурсы развития рынка труда и экономики в целом лежат в плоскости внутренней трудовой миграции, трудовой мобильности — как территориальной, так и профессиональной. Мне кажется, что на этом и нужно сосредоточиться. Действительно, у нас достаточно взвешенная внешняя миграционная политика, а вот внутренняя миграционная политика требует дополнительного внимания.

Е. Осетинская:

Наверное, этому вопросу можно посвятить еще целую сессию.

К. Ромодановский:

Может быть, стоило бы выработать государственную программу переселения соотечественников — не внешних, а внутренних.

Е. Осетинская:

Внутренней миграции, конечно!

К. Ромодановский:

Работает ли госпрограмма? Да, работает, и очень эффективно: в прошлом году — 106 тысяч, в этом — уже более 70 тысяч человек. Она раскручена. Лет через пять, я думаю, можно будет продвинуться в этом направлении.

Е. Осетинская:

Да, но в России присутствует болезненное отношение к внутренней миграции.

К. Ромодановский:

Менталитет совершенно иной, это верно.

Е. Осетинская:

Да, люди боятся перемещения: с одной стороны, они боятся приезжающих, с другой — сами боятся двигаться. Это огромная проблема.

К. Ромодановский:

Если показать им «большой рубль», может быть, эту нерешительность можно будет преодолеть?

Е. Осетинская:

Это правда, «большой рубль» вообще, как мы поняли за этим столом, аргумент серьезный.

К. Ромодановский:

Все, кто выступал, говорят, что нужно стимулировать движение. Без стимулирования его не будет. Я согласен с коллегой: возможно, стоит подумать о том, чтобы выработать госпрограмму по переселению наших граждан. Мы даем порядка полумиллиона рублей по госпрограмме

гражданам сопредельных государств, которые едут на Дальний Восток. Может быть, нашим гражданам выделять миллион рублей? Может быть, тогда они поедут?

Е. Осетинская:

Очень вероятно. За миллион рублей очень многие поедут.

К. Ромодановский:

Я имею в виду, что они могут и не вернуться. Единственное условие, что ФМС не будет этим заниматься.

Е. Осетинская:

Господин Вебер?

Ш. Вебер:

Три очень коротких комментария.

Первый: я полностью поддерживаю вопрос о внутренней миграции. Это затрагивает вопрос о культурных различиях: внутренняя миграция в Соединенных Штатах и в России — разные вещи, и в Канаде тоже. Тем не менее внутренняя миграция совершенно необходима. Этим надо заниматься.

Второй комментарий: к тому, что я уже упомянул, Ярослав Иванович добавил замечание про Канаду и про медсестер. Я был свидетелем того, как в Канаде заработала программа привлечения медсестер из Бангладеш. Делать это действительно необходимо. Важный вопрос — создание стимулов для профессий, востребованных на российском рынке. Это довольно-таки очевидно и просто, но это нужно сделать.

И третий момент, о котором я тоже раньше упоминал: это развитие программы по привлечению студентов на различном уровне —

бакалавриата, магистратуры, аспирантуры — из-за рубежа, чтобы они могли потом включиться в развитие российской экономики.

Е. Осетинская:

Спасибо. Госпожа Цай?

Гуйжу Цай:

Я предлагаю, чтобы ФМС сделала в Китае презентацию российской иммиграционной политики: это очень помогло бы нашим предпринимателям. Нужно открыть людям двери, чтобы они могли ознакомиться с программой. Тогда проблем станет меньше.

Е. Осетинская:

Спасибо, это предложение вполне реализуемо.

К. Ромодановский:

На русском языке.

Е. Осетинская:

Коллеги, у нас есть буквально одна минута, чтобы ответить на один вопрос из зала. Пожалуйста! Этот вопрос был подготовлен заранее.

S. Kotwani:

Sammy Kotwani, Indian Business Alliance. We have more than 50% of our members in receipt of work permits from the Labour Department. Please, I would like to tell you that our foreign nationals work on a work visa regime. We do not come as immigrants. First we get work permits, and then we come over here. So please consider this. I would like to know why, when the FMS is blamed for

everything, should the Labour Department not also give this problem to the FMS to solve?

Е. Осетинская:

Я думаю, что этот вопрос — к Максиму Викторовичу.

М. Паршин:

Я согласен, что, наверное, тут есть чем заняться. Мы с Вами обсуждали это еще до начала нашего круглого стола. Я сейчас не готов вдаваться в детали, но, действительно, в этом отношении нам есть куда совершенствоваться.

Е. Осетинская:

Спасибо.

Коллеги, у нас очень жесткие временные рамки. Мне хотелось бы продолжить, но я должна всех поблагодарить за очень интересный разговор. Огромное спасибо!